

2002. – 588 с.) // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. (Східний інститут українознавства ім. Ковальських). – Вип. VI. — Харків-Київ: Критика, 2004. — 256 с. (С.171 – 199).
6. Кочур Г. Дебют перекладача // Жовтень. – 1972. – № 3. – С. 17.
7. Науковий переклад в освітній політиці. [Семінар проекту "Лабораторія наукового перекладу", присвячений пер.з нім. мови твору Е.Курціуса "Європейська література та латинське середньовіччя"], (Львів, 16-23 грудня 2002 р.) // "У фокусі": Інформаційний вісник МФВ. – 2002. – № 12 (12). – Режим доступу: <http://www.irf.kiev.ua/old-site/ukr/news/bulletin/b2002-13/b2002-12.pdf>
8. Онишко А. [Інтерв'ю з перекладачем і поетом А.В. Онишко] / А. Онишко; розмову вела Н. Ковальова. // Всесвіт. Всесвіт – 2008. – № 3-4. – С. 207–211.
9. Рихло О. Відтворення мовностилістичних особливостей творів Е.А.По в українських перекладах: дис... канд. філол. наук: 10.02.16 / Рихло Олександр Петрович. – К., 2002. – 303 с.
10. Рихло О. Освоєння поеми Едгара Алана По "The Raven" в українській літературі // Питання літературознавства: [наук. збірн.]. – Чернівці, 1997. – Вип. 4 (61). – С. 89–97.
11. Савчин В. Анатолій Онишко: "Якщо варто робити взагалі..." // Всесвіт – 2008. – № 3-4. – С. 206–207.
12. Сенчишин Я. Георг Острогорський. Історія Візантії. [рецензія] // Молода Галичина. 2002. – 15 серпня. – Режим доступу: http://www.litopys.lviv.ua/katalog/istorija_1.html#annotation
13. Скарвон Л., Скарвон Б. Анатолій Онишко: "Я – не фашист" // Експрес. – Івано-Франківськ – Калуш. – 2004. – 7-8 вересня. – С. 17.
14. Содомора А. Багатоголосе відлуння тиші ("Нічна пісня мандрівника" Й.В. Гете: за межею перекладу) // Григорій Кочур в контексті культури другої половини ХХ віку: матеріали Всеукраїнської наукової конференції (Львів, 14-15 жовтня 2005 р.). – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2007. – 296 с. (С.34-57).
15. Содомора А. Вічна самотність Лермонтового "Паруса" // Содомора А. Студії одного вірша. – Львів: Літопис, Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – С. 213–237.
16. Стріха М. Подорож в історію Візантії [рецензія] // "У фокусі": Інформаційний вісник МФВ. – 2002. – №13 (13). – С. 20-21. – Режим доступу: <http://www.irf.kiev.ua/old-site/ukr/news/bulletin/b2002-13/b2002-13.pdf>
17. Стріха М. Штрихи до портрету перекладача (пам'яті Анатолія Онишка) // Всесвіт. – 2007. – № 5-6. – С. 181–185.
18. Тебешевська О. Присутність Майстра... // Галичина. – 2008. – 2 серпня. – С. 7.
19. Тебешевська О. Слово про майстра [Передмова до другого видання] // Онишко А. Замкнуте коло. – Вид. 2, доп. – Коломия: Вік, 2007. – С. 3–7.
20. Тебешевська О. Цигани: від праісторії до сьогодення // Дзвони Підгір'я. – 2003. – 16 липня. – С. 3.
21. Шеклі Р. Координати чудес. – К.: Дніпро, 1991 – 320 с. – (Перекладено за виданням: Robert Sheckley. Dimension of Miracles – N.Y., 1968.).
22. Епістолярій з архіву родини Онишко:
 - листи П. Тарашука до А. Онишка від 10.04.1991 р., 02.06.1997 р., 02.07.1997 р., 14.07.1997 р., 12.09.1997 р.
 - листи А. Онишка до П. Тарашука від 17.04.1991 р., 04.05.1997 р., 01.09.1997 р., 12.11.1997 р.
 - документ "Хиби, блуди, помилки, неоковирності".

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Мазур – здобувачка кафедри теорії та практики перекладу з англійської мови Київського національного університету ім. Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: сучасний український художній переклад.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ПОНЯТИЙ ОРИГИНАЛА В ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ (на матеріалі русско-українських і україно-руських перекладів)

Мария МАРКИНА (Україна, Симферополь)

У статті розглядається проблема реалізації сигніфікативів оригіналу в тексті перекладу. Ця проблема вирішується згідно з методологією лінгвістичного функціоналізму та спираючись на положення функціональної семантики.

The article says about problem of realization of linguistic concepts of original in text of translation. This problem is examined by methodology of linguistic functionalism and leaning against position of functional semantics.

Неоспоримым в современной науке является тот факт, что реальная действительность (Универсум), окружающая все народы, имеет больше сходств, нежели различий [3: 69; 1:25; 6: 96; 8: 12: 117], в связи с чем справедливо утверждается, что все, что описано на одном языке, может быть выражено средствами любого другого языка. Возможность перевода обуславливается, прежде всего, и тем, что «логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они не говорили» [цит. по 5: 13], «законы мышления имеют общечеловеческий характер» [7: 21], или, как отмечал еще Г. Гадамер, языки соотносимы и взаимопереводимы, «поскольку все языки суть развертывания единого единства духа» [4: 509]. Это дало основание лингвистам говорить о существовании некой понятийной общности («концептуальное единство человеческого знания» [5: 77], «универсальность логико-понятийных составов языков» [3: 69], «единый когнитивно-семантический континуум» [8: 31]), имеющей место в картине мира каждого языкового коллектива и благодаря которой одно и то же понятие может быть выражено

средствами разных языков. Однако категоризация единой окружающей действительности осуществляется каждым отдельным языком особым образом, каждый язык по-своему членит действительность на фрагменты. Таким образом, «...одному слову какого-то языка, которое выражает более широкое (недифференцированное) понятие, в другом языке может соответствовать несколько слов (два или больше), каждое из которых выражает более узкое (дифференцированное) понятие в сравнении с первым языком» [2: 13]. Но все это отнюдь не является факторами, препятствующими переводу, так как, вслед за с Б.А. Серебренниковым мы считаем, что «все эти различия не являются выражением какого-то особого национального Духа, якобы присущего каждому народу в отдельности» [цит. по 5: 62]. И в конечном счете, «глобализация мировых процессов способствует взаимодействию и сближению концептуальных и языковых картин мира» [17: 12]. А это значит, что понятия всеобщие, но способ их представления в каждом языке различен. Таким образом, проблема адекватной реализации языковых понятий одного языка средствами другого включается в круг актуальных лингвистических вопросов.

Свою **цель** мы видим в том, чтобы обосновать необходимость использования результатов функционально-семантических исследований в процессе определения адекватности переводного текста. Исходя из поставленной цели нами решаются следующие **задачи**:

- охарактеризовать функциональное видение номинативной системы языка;
- применить функциональный принцип экспликации семантем к анализу переводного текста;
- определить степень адекватности перевода конкретных номинативных единиц.

Решение проблемы адекватной реализации языковых понятий оригинала в переводном тексте видится нам при условии рассмотрения ее с позиции функционального языкознания, исходящего из примата функции в определении объекта своего исследования. Согласно функциональному подходу, объектом нашего исследования станут двусторонние сущности, а – «средство хранения и выражения определенного смыслового содержания» [9: 7] – номинативная единица. Из этого следует, что функцией (системообразующим качеством) номинативных единиц является «предназначенность для хранения и выражения элементов идеальной системы коллективного опыта, т.е. номинативная функция» [9: 16]. Данной «идеальной системой коллективного опыта» является «языковая картина мира», которая является одной из форм существования системы номинативных средств – формой на уровне языковой абстракции. Единицей же данной системы следует считать «номинативно предназначенный стратифицированный комплекс сем (сема здесь понимается не как компонент значения слова, а как составная часть языкового понятия – М.М.), имеющий свое постоянное место, некий адрес ... в общесловарной иерархии сем, для именования которого могут быть использованы термины «сигнификат», «концепт», «языковое понятие» и т.п.» [11: 159]. Данная единица способна интегрировать в одно целое слова и словосочетания и понимается, в свою очередь, как «разноуровневое единство языкового понятия, – с одной стороны, и микрополя знаков...» [11: 164-165], репрезентирующих языковое понятие в различных ситуациях именования, с другой.

Языковое понятие, одностороннее по своей природе, и его двусторонние выразители соотносятся как инвариант (на уровне абстракции) и варианты (на уровне нормы) и представляют «разные формы существования единого компонента языковой системы» [11: 173]. Основное предназначение вариантов – выразить конкретное языковое содержание в той или иной номинативной ситуации.

Для именования этой номинативной единицы в функциональной лингвистике предлагается использовать термин «семантема». Вследствие чего делается вывод, что «лексическая система – система семантем» [9: 36]. Термин «семантема» использовали многие ученые, обозначая им чаще всего «феномены, освобожденные от собственно языковой материи» [10: 75]. Ж.П. Соколовская в своих работах [14; 15; 16] предлагает следующую дефиницию для данного термина: «инвариант смыслов – принимаем для его обозначения термин «семантема» – характеризуется набором определенных семантических элементов (сем), которые расположены в порядке строгой иерархии» [15: 77]. Это

определение в целом соотносится с тем, которое представлено в монографии А.Н. Рудякова, однако, по его мнению, «инвариантным по отношению к средствам своего выражения является любое понятие, любой сигнификат, включенный в социальную «картину мира» и описываемый набором сем» [10: 76].

Регулятивность языка есть основная причина того, что одностороннему сигнификату уровня языковой абстракции на уровне нормы соответствует множество знаковых единиц. Таким образом, возможно «осуществлять воздействие на слушающего в самых разнообразных ситуациях речевого взаимодействия» [11: 161].

Мы отметили, что каждой номинативной ситуации (позиции) соответствует определенный вариант семантемы. Эта возможность использования его (варианта) в определенном круге позиций номинации определяет его статус в микрополе вариантов семантемы. Данное качество вслед за А.Н. Рудяковым будем обозначать термином *номинативная пригодность*, которая понимается как «степень его (варианта – М.М.) применимости для осуществления целей носителя языка» [11: 187]. «Варианты семантемы, тождественные по ценности (ценность понимается здесь как совокупность системных качеств – М.М.), формируют части микрополя реализации семантемы: центр, ядро, периферийную зону» [там же].

Соответственно, мы можем предположить, что, осуществляя перевод, необходимо двигаться не «от словно», а – «от семантемно», находить не соответствия знаковым единицам оригинала, а – варианты реализации семантемы исходного текста в арсенале своего языка, соответствующие данной позиции.

Наличие таких вариантов обусловлено, как нами уже было отмечено, тем, что «ядерная зона этой модели (языковой картины мира – М.М.) человеческого знания универсальна» [11: 209], то есть существует некая всеобщая языковая картина мира, некое «семантическое пространство, представляющее собой определенным образом упорядоченную функционально-инвариантную группу единиц двух языков, служащих для выражения какой-нибудь универсальной семантической единицы (универсального понятия)» [13: 37]. Соответственно, можно говорить о наличии универсального набора семантем, имеющих место в картине мира каждого языкового коллектива.

Однако здесь стоит отметить, что для выражения семантемы в разных языках используются совершенно разные языковые средства, разный набор вариантов. При этом «использование любого варианта ограничено определенным кругом позиций» [11: 173], то есть реализацией в определенных условиях номинации. Из этого следует, что различия могут наблюдаться в актуальности/неактуальности данной семантемы для определенного коллектива, в существовании развернутой/неразвернутой системы вариантов реализации семантемы, в знаковых единицах (словах и словосочетаниях), репрезентирующих данное понятие [8: 40].

Основываясь на данных положениях функциональной семантики, обратимся к конкретным примерам. В качестве первого примера рассмотрим номинативную единицу «парить» («Желание» М.Ю. Лермонтов). В оригинале данное слово реализует семантему «двигаться по воздуху». «Парить» – вариант реализации данного языкового понятия в позиции, когда необходимо указать на движение, осуществляемое без усилий, а – посредством воздушных потоков. В переводном тексте (пер.М. Зеров) используется номинативная единица «ширять», которая в украинском языке является вариантом реализации данной семантемы в этой же позиции («повільно кружляти, тримаючись у повітрі на нерухомо простягнутих крилах» [18]). Другая номинативная единица из этого же текста – «помчался бы», которая здесь реализует языковое понятие «двигаться в определенном направлении», является основным вариантом данной семантемы. Позиция, в которой представлен данный вариант, – необходимость подчеркнуть стремительность, скорость движения. В переводном тексте используется слово «полинув би» («З. поїхати, піти, побігти куди-небудь. // Вирушити, відправитися куди-небудь. // Стрімко поїхати, побігти і т. ін. [18]), которая, соответственно, не являясь словарным соответствием слову «помчался бы», в данной позиции выступает вариантом выражения этой семантемы, то есть вполне обосновано ее употребление в данном переводе. В другом рассматриваемом нами переводе

(«Тучи» М.Ю. Лермонтова в пер. М.Рыльского) эта же семантика в аналогичной позиции представлена также вариантом «линути»: «Мчитесь вы...» - «Линете...».

Еще один пример: языковое понятие «оставленный без внимания», реализуется в оригинале (М.Ю. Лермонтов «Желание») словом «забвенный». В переводном тексте используется единица «занедбані» («який має ознаки занепаду, недогляду, байдужого ставлення з боку когось. // Неохайний, занехаяний» [18]). Данный вариант, не являясь знаковым соответствием слову «забвенный», реализует в данной позиции указанную семантическую. Такое языковое понятие как «место рождения» в этом же тексте представлено своим вариантом «холмами отчизны моей». В тексте перевода используется сочетание «краєм забутих батьків», что свидетельствует о реализации языкового понятия оригинала вариантом, соответствующим данной позиции номинации.

В некоторых случаях, как нами было отмечено в процессе анализа переводных текстов, авторы переводов при наличии в арсенале своего языка вариантов реализации семантики оригинала используют единицы исходного языка, что является в таких случаях совершенно необоснованным. Например, в уже рассматриваемом нами оригинале слово «прах» реализует «семантическую останки человека» («забвенный прах»). В тексте перевода при наличии варианта «кістки», реализующего данное языковое понятие, употребляется слово «кості» – русизм. К подобным примерам относятся и следующие: «Вічно холодними, вічно *свободними*» («Хмари» Пер. М. Рыльский), «А він, *мятежний*, прагне бурі» («Парус» пер. Л.С. Первомайский), где «свободный» и «мятежный» – формы, несоответствующие украинскому языку.

Анализируя перевод стихотворения «И скучно, и грустно...» М.Ю. Лермонтова (пер.М. Терещенко), мы обратили внимание на реализацию семантики «то, что не имеет значения», которая в оригинале представлена своим вариантом ««ничтожно» (И радость, и муки, и всё там ничтожно)» и используется в таких позициях, когда необходимо указать на категоричность, негативное отношение. В переводе используется слово «зрадливе» (Усе там – і радість, і мука — зрадливе), которое реализует иную семантическую: «то, что не является постоянным». Однако данный вариант здесь является вполне приемлемым, так как по силе воздействия равен варианту оригинала. Таким образом, мы можем констатировать, что в переводном тексте может реализовываться отличное от оригинала языковое понятие, но это можно признать обоснованным, если данная семантика близка к семантической исходного текста. Такой пример мы находим и в переводе стихотворения «Світлий сонет» Л. Українки (пер. А. Рудяков). В данном тексте обращают на себя внимание языковые единицы «пощастило» и «повезло». Отметим, что семантика «состояние высшего удовлетворения» в украинском языке воплощается в своих основных вариантах «щастя», «талан»; в русском языке эту семантическую реализует вариант «счастье». Семантика «положение дел, которое благоприятно для человека» воплощается в украинском языке вариантами «успіх», «удача», «щастя», «талан», в русском языке – «успех», «удача», «счастье», «везение». Таким образом, две семантики способны реализовывать одни и те же языковые единицы как в украинском, так и в русском языках. Следовательно, возникает необходимость выяснить: в переводе перед нами – «русский» вариант реализации семантики, воплощенной в оригинале своим «украинским» вариантом «пощастило» или же в переводе – «отсловный» (т.е. словарный) перевод языковой единицы, результатом чего станет выражение в тексте перевода иной семантики, реализуемой в русском языке своим вариантом «повезло».

Так, в результате анализа оригинала нами было выявлено, что смысл данного текста – «обретение счастья» (как особого состояния человека, противоположного другим состояниям; выражено единицами «печаль», «сум»). И выражает данный смысл семантика своим неосновным вариантом «пощастило». В тексте перевода вследствие пословного перевода (в словаре «пощастило» – «повезло, посчастливилось») и употребления слова «повезло», выражается иная семантика: «о благоприятном положении дел». Данные семантики находятся на одном уровне в системе языковых понятий и равны по своим ценностным характеристикам.

В качестве последнего примера обратимся к номинативной единице «выхожу» («Выхожу один я на дорогу» М.Ю. Лермонтов), которая в исходном тексте реализует семантическую

‘оказываюсь где-либо’. В переводе (пер. М.Рыльский) автор использует слово «йду» («На дорогу йду я в самотині»), репрезентирующее иную семантему: ‘двигаться в определенном направлении’. Вероятно, это обусловлено тем, что переводчик рассматривал слово «выхожу» как основной вариант реализации понятия ‘начинать движение в определенном направлении’. Таким образом, неверное определение семантемы оригинала становится причиной реализации другого, несоответствующего выраженному в оригинале языкового понятия.

Согласно вышеперечисленным примерам мы можем констатировать следующее: в переводе семантема оригинала реализуется употреблением языковой единицы своего языка, соответствующей данной позиции; переводной текст может содержать семантемы, соотносимые с семантемами, выраженными в оригинале, что является обоснованным, если данное языковое понятие воздействует на те же когнитивные структуры; крайним проявлением неадекватности является выражение в переводе языкового понятия, воздействующего на другие системы понятий.

Необходимо также отметить, что создание перевода на основе поиска в языке перевода вариантов реализации семантем представляет возможность снять лингвоэтнический барьер, в результате чего данный текст «представляет носителям ИЯ и носителям ПЯ лишь объективно равные возможности восприятия и интерпретации сообщения в его исходном и переводном вариантах, включая возможность одинаково реагировать на него» [12: 36].

Соответственно, функциональное видение языка и в частности номинативной системы позволяет, с нашей точки зрения, решить проблему адекватной реализации в переводе языковых понятий оригинала, а также выявить степень адекватности переводных текстов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
 2. Білоус О.М. Теорія перекладу: Курс лекцій: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2002. – 116 с. – бібл.: С. 110–116
 3. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: Учеб. пособие. — 3. изд. — М.: Книжный дом "Университет", 2006. — 237 с.
 4. Гадамер Х. -Г. Г 13 Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. /Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. –704 с.
 5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
 6. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М.: Международные отношения, 1981. – 247 с.
 7. Литвак С.Я. Різні мовні картини світу і подолання мовного релятивізму при перекладі // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип.7. – Т. VIII. Теорія і практика перекладу. – С. 18–24
 8. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 2004. – 326 с.
 9. Рудяков А.Н. Функциональная семантика. – Симферополь, 1992. – 154 с.
 10. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь, 1998.
 11. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
 12. Сдобников В.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 448 с.
 13. Семенова И.М. О понятии межъязыкового поля и возможности его использования в лингвопереводческих исследованиях // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров. – М., 1989. – С. 31–43.
 14. Соколовская Ж.П. «Картина мира в значениях слов». – Симферополь: Таврия, 1993. – 231 с.,
 15. Соколовская Ж.П. «Картина мира» в значениях слов: «семантические фантазии» или «катехизис семантики?». – Симферополь: РИО Таврического экологического института, 1999. – 232 с.,
 16. Соколовская Ж.П. Семантическая структура слова и «картина мира»: «семантические фантазии» или «катехизис семантики». – Симферополь: РИО Таврического экологического института, 1998. – 184 с.
 17. Чередниченко А. Про мову і переклад. – К.: Либідь, 2007. – 248 с.
- Словари:**
18. Великий тлумачний словник української мови. – Харків: «Фоліо», 2005. – 767 с.
 19. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Маркина – ассистент кафедры русского и общего языкознания ТНУ им. В.И. Вернадского.

Научные интересы: функциональное описание языка и его единиц, проблема адекватности перевода, функциональный анализ текста.